

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАВАРКИНА

соискатель кафедры русской литературы и журналистики
филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mvnikuilina@mail.ru

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА А. ПЛАТОНОВА «ВПРОК» В ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ*

Рассматривается литературно-политический контекст повести А. Платонова «Впрок». Делается вывод, что художественная структура повести представляет собой «полилог» писателя со статьями И. Сталина, взглядами М. Горького на «раскрестьянивание» деревни, с очерковой литературой начала 1930-х годов, а также с теорией «кооперативной коллективизации» А. Чаянова, что позволяет уточнить авторскую точку зрения в произведении. Ведя «диалог» со Сталиным, Платонов доводит до абсурда сталинские идеи «о перегибах» коллективизации, а используя актуальную для советской литературы форму хроники-очерка, представляет отличный от современной ему очерковой литературы взгляд на сталинскую коллективизацию. Не принимая «антикрестьянской» позиции М. Горького, Платонов сближается со взглядами А. Чаянова на коллективизацию как постепенный, проводимый с уважением к народным традициям процесс подключения советской деревни к происходящим в 1930-е годы преобразованиям.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, И. Сталин, А. Чаянов, коллективизация, повесть, очерк, хроника

Повесть «Впрок» А. Платонов завершает весной 1930 года, ее публикация в журнале «Красная новь» в марте 1931 года во многом определила дальнейшую творческую судьбу писателя. Главный читатель СССР И. Сталин оставил на полях «Красной нови» свою оценку: «...рассказ агента наших врагов» [1; 150]. Вслед появляется разгромная самооправдательная статья главного редактора «Красной нови» А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» [13].

Сюжет повести может быть прочитан как диалог со статьями Сталина. В декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталин поставил задачу ускорения коллективизации и призвал к «ликвидации кулачества как класса». Ранее, 3 ноября 1929 года, в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома: к XII годовщине Октября», где утверждалось, что в 1929 году стране удалось добиться «коренного перелома» на всех фронтах «социалистического строительства» [12; 124–125]. На самом деле «курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию вверг страну в состояние гражданской войны» [14; 17]. И в следующем году власти вынуждены были пойти на уступки: 2 марта 1930 года выходит статья Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения»; 14 марта – Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», позволившее распускать колхозы, организованные не на добровольной основе. В апреле появляется статья Сталина «Ответ товарищам колхозникам», в которой признавались некоторые «перегибы», но вся вина перекладывалась на местных активистов.

Платонов не мог не откликнуться на эти события, его «душевный бедняк», хроникер в повести «Впрок», должен был воочию убедиться в происходящем. Об этом свидетельствует точная дата, которой обозначено начало путешествия героя: «В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк... сел в поезд дальнего следования... и выбыл прочь из верховного руководящего города» [10; 284]. Обращаясь в повести к теме колхозного строительства, Платонов выбирает актуальную форму очерка-хроники (к тому времени им уже написаны очерки «Огни Волховстроя» (1925), «Че-Че-О» (1928), «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую пишесубмажную фабрику)» (1929) и др.). Многие очерки Платонов писал по материалам поездок в качестве инженера-мелиоратора. В период работы над «Впрок» Платонов сотрудничает с редакцией газеты «Социалистическое земледелие» и совершает ряд поездок в районы Нижней и Средней Волги [8; 334].

Огромную роль в становлении и развитии жанра советского очерка сыграл М. Горький, который в 1929 году организовал журнал «Наши достижения», а через год редактировал первый выпуск журнала «СССР на стройке». В журнале «Красная новь», где публиковалась повесть Платонова, был раздел «От земли и городов», также посвященный очеркам с производства (включая и колхозное строительство). В нем печатаются в 1930 году очерки Ф. Малова «Самочистка» (январь), К. Большакова «Покорение Днепра» (февраль), Е. Гнедина «На путях к колхозу», С. Канатчикова «Рождение колхоза» (май), в начале 1931 года — очерки Б. Губера «Весенний дневник» (март) и «Три очерка» С. Гехта (апрель). Повесть-хроника Платонова от-

крывала мартовский номер за 1931 год и печаталась в разделе художественных произведений.

Статьи Сталина о коллективизации стали идеологическим «образцом» для очерков на тему колхозного строительства: они не только очертили круг вопросов, которые можно и нужно рассматривать, но и «подсказывали» писателю, в каком ключе эти вопросы следует обсуждать. Показательный пример – очерк Е. Гнедина. Гнедин затрагивает те же темы, что и Платонов: о принудительном вступлении крестьянина в колхоз («Местные работники говорили: “В колхоз надо идти, как детей в школу посылать; это не принудительно, но обязательно”» [3; 172]); о низкой урожайности крестьянского хозяйства, которое «не идет в ногу с социалистической промышленностью», «не выполняет заданий Ильича догнать и перегнать» [3; 173]; об антирелигиозной кампании в деревне (главка «Боги жарко горят» [3; 175]); о происках кулака (история учителя Корсакова [3; 178–179]). Однако существенное отличие очерка Гнедина от повести Платонова – четкое выражение авторской позиции. Гнедин везде поддерживает генеральную линию партии: так, главка «Цифры» подтверждает необходимость лозунга «Мы ликвидируем кулака как класс».

Повесть-хроника Платонова в первоначальном варианте была отклонена рецензентами и отправлена на исправление. Среди «недоработок» рецензенты называли жанровую неопределенность произведения: «“Впрок” нельзя назвать ни очерком, ни рассказом, ни сатирой, ни реалистической прозой» [15; 285]. Проблема жанровой специфики повести ставилась в связи с главным вопросом – об авторской позиции. Платонов в начале повести просит не отождествлять автора с «душевным бедняком», но ему «не верят»; рецензенты делают Платонова ответственным «за все промахи “электротехника”», считают, что в повести трудно отделить «фантазии автора» от реальных фактов и что его книга только ставит вопросы, но не решает их [15; 282–284]. Синтез очерково-хроникальной формы и лирико-сатирического пафоса оказался неприемлем для идеологов советского искусства.

Обращаясь к жанрам хроники и очерка, Платонов использует их структурные возможности, позволяющие включить историческое время в хронотоп произведения и сделать главным композиционным приемом путешествие героя. У платоновского героя нет имени, а авторская характеристика «душевный бедняк» может трактоваться двояко: *бедняк душевный* или *бедный душой* [2; 298]. В повести есть ироническое пояснение: душевный бедняк – тот, кто не имеет в душе «основной золотой миллиард, нашу идеологию» [10; 301]. В подтексте актуализируются слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди о блаженных «нищих духом». А. Платонов, часто использующий христианские мотивы и образы

в качестве поэтических метафор, делает главным героем человека, сознание которого «не оглашено» новыми социалистическими идеями: «У такого странника по колхозной земле было одно драгоценное свойство, ради которого мы выбрали его глаза для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, но не мог солгать...» [10; 284]. В статье «Великая Глухая» (1931) А. Платонов выступал против излишней «оглушенности» / «оглашенности» советской литературы идеей [8; 583]. В. Перхин поясняет: «Оглашенность... происходит от понятия “оглашаю, учу устно” и означает ознакомление с христианским учением тех, кто желает принять крещение. <...> Об эпохе революции Платонов говорит... как об эпохе принятия новой веры. Причем происходит излишнее “оглашение”, вследствие чего наступает “художественная глухота”» [6; 239]. Платоновский образ-понятие «душевный бедняк» может быть прочитан и как перифраз «Письма селькору-колхознику» (1930) М. Горького, который в начале 1930-х годов поддерживал идею «переделки» деревни и «раскрестьянивания»: «...беднякам ясно было, что единоличное, частное хозяйство на земле – петля для них, видели они, что именно в деревне... плетет крепкую паутину... кулак-мирод... и в душу большинства крестьян глубоко вросло желание... превратиться тоже в кулаков... кулацкая психика – “душа” – свойственна и беднякам» (выделено мной. – М. 3.) [4; 269].

«Душевный бедняк» Платонова – это народный интеллигент, который стоит на пороге новой «обобществленной» жизни в колхозе, но которому трудно отказаться от традиции, крестьянского опыта, своей немного «кулацкой» души. Критики увидели в «душевном бедняке» попытку автора «спрятаться» за образом юродивого, чтобы прикрыть «классово враждебный характер своей хроники» [13; 206]. А. Фадеев, оценивая «Впрок» как «кулацкую хронику», проводит параллель с «чаяновской кулацкой утопией» [13; 208]. В начале 1930-х годов проходит ряд показательных процессов по сфабрикованным делам, в том числе процесс «Трудовой крестьянской партии», по которому был арестован выдающийся ученый-экономист, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева А. В. Чаянов. Чаянов, признавая социалистический путь развития России, тем не менее шел вразрез с главной политико-экономической тенденцией, которая оформилась в стране во 2-й половине 1920-х годов: прекращение НЭПа и тотальная коллективизация. Его идеал – сильная и самостоятельная деревня, где не будет командно-административных методов регулирования, быстрого и бездумного собирания крестьян в колхозы, уничтожения кулака как класса. Вместо «государственного коллективизма» Чаянов предлагал пойти по пути «кооперативной коллективизации» и делал ставку на личный труд большой крестьянской семьи.

Свои идеи Чаянов высказывал не только в научных работах, но и в художественных произведениях, например в повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). И хроника Платонова, и повесть Чаянова близки на уровне жанровой модификации: оба произведения с открытым диалогом утопии и антиутопии, что позволяет назвать их метаутопиями. Но возникает вопрос: рисует ли Платонов в повести свой идеал советской деревни? «Чаяновскую утопию» Фадеев увидел у Платонова в «С.-х. артели имени Награжденных героев», учрежденной, как следует из повествования, в 1923 году. Несмотря на то что герой-рассказчик уличает в ханжестве зажиточных мужиков артели, Фадеев обвиняет в лицемерии самого писателя, так как «идиллия, описываемая Платоновым, выглядит прямо каким-то кулацким оазисом в пустыне бестолочи и сумятицы» [13; 208]. Однако и Платонов, и его герой, «душевный бедняк», в котором присутствует ряд автобиографических черт, связывали с коллективизацией свои заветные социальные чаяния по поиску смысла «отдельного и общего существования». Но то, какими методами и с какой скоростью она проводилась, заставляло «сомневаться» в истинности происходящего. И здесь взгляды Платонова действительно близки взглядам Чаянова. Платонов, как и Чаянов, верит в торжество «социального начала» в крестьянине и тем ставит себя в очень опасное положение (в связи с проводимыми политическими процессами): «...эти качества (трудолюбие и дружная организация. — М. З.) должны остаться и тогда, когда эта ханжеско-деляческая артель станет большевистской. Что же будет в артели, если снабдить ее тракторами, удобрениями, приложить к ее угодыям, вместо сухого рачительства, ударный труд, сменить имущественного скопца на большевика и агронома и, главное, сделать артель действительно трудовым товариществом крестьян-бедняков?» [10; 339]. Однако здесь, как нам кажется, можно увидеть и существенное отличие идей Платонова от программы Чаянова. В конце 1920-х — начале 1930-х годов Чаянову вменялось то, что он не увидел опасности в усилении крестьянских семей, которое в итоге привело бы к развитию капиталистических отношений в деревне. Платонов в это время мечтал о крестьянском будущем, технически вооруженном современной наукой и техникой (в этом солидаризируясь с Чаяновым), но где не будет «своего» и «чужого», а земля станет общим «существом существования».

Модель «крестьянской цивилизации» (С. Залыгин) и у Чаянова, и у Платонова шла вразрез с государственной утопией прежде всего в понимании роли народа и личности в строительстве социализма. В центре полемики окажется и семейная тема. По мнению И. А. Спиридоновой, тема «социализм и семья» в 1930-е годы напол-

няется у Платонова «своим, вступающим в напряженный диалог, все чаще — конфликт с эпохой, содержанием» [11; 280]. Если в 1920-е годы Платонов сближается с государственной утопией «государство-семья», то в 1930-е уже отходит от нее: ключевая для Чаянова-экономиста, философа, художника мысль о роли традиционной семьи в становлении личности, общества, государства художественно-философски будет раскрыта Платоновым в его рассказах («Среди животных и растений», «Жена машиниста», «Возвращение» и др.). В повести «Впрок» эта тема пока остается «за текстом», но Платонова все больше волнует вопрос: а будет ли *впрок* народу *такая* коллективизация? В словаре В. Даля даются следующие значения слова «впрок»: «в пользу, в выгоду, к добру...» [5; 257]. Однако если в начале произведения жители колхоза «Доброе начало» просят героя помочь отремонтировать искусственное солнце, которое будет им «**впрок**», чтобы «догнать и перегнать в технике, науке и культуре» город [10; 293–294], то в последнем на его пути колхозе под названием «Утро человечества» героя просят решить «великую задачу, чтоб нам догнать, перегнать и не утомиться» [10; 287].

Мотив «погашенного» солнца настойчиво звучит в повести. Электрификация — одна из ключевых тем в публицистике и художественных произведениях писателя. Надежды, которые связывал молодой Платонов с электрификацией деревни, были не столько даже технические, сколько метафизические: «...электрический свет и электрический двигатель не только дадут нам вечный день и хлеб, но дадут и новую человеческую товарищескую душу» [7; 159]. В повести «Впрок» писатель приходит к выводу, что насильственная коллективизация, проводимая по абстрактному плану, без уважения к народу и его традициям, ведет не к просвещению и техническому оснащению деревни, а к возвращению к некоему первобытному, полудетскому состоянию, когда «людей придется административно кормить из ложек, будить по утрам и уговаривать прожить очередную обыденку» [10; 256]. М. Геллер справедливо считает, что Платонов показывает коллективизацию как процесс инфантилизации крестьянства [2; 310]. То, что Платонов не мог прямо высказать в художественном произведении, оставалось в его «Записных книжках», сопровождавших каждый этап работы над текстом. В книжке 1929–1930 годов есть запись, которая поясняет художественный гиперболизм повести «Впрок»: «...борьба с перегибами бывает иногда тоже перегибом» [8; 29]. Платонов, создавая в повести панораму событий коллективизации, пытался не только по возможности охватить все проблемы современной деревни, но и показать ее социалистический потенциал. Однако желание автора и героя поведать о том, как много можно взять «впрок» для дела социализма из опыта народной жизни, было оценено как антисоветская пропаганда.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. 869 с.
2. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: МИК, 2000. 432 с.
3. Гнедин Е. На путях к колхозу // Красная новь. 1930. № 5. С. 171–182.
4. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. С. 268–271.
5. Даль В. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. I. М.: Русский язык, 2000. 699 с.
6. Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 306 с.
7. Платонов А. П. Электрификация деревень // Андрей Платонов. Сочинения. Т. I. Кн. 2. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 159–161.
8. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 424 с.
9. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика. Публицистика / Под ред. Н. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 583–586.
10. Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / Под ред. Н. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 284–350.
11. Спиридонова И. А. Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 277–290.
12. Сталин И. В. Собр. соч.: В 18 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946–2006. Т. 12. С. 118–135.
13. Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Красная новь. 1931. № 5–6. С. 206–209.
14. Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 295 с.
15. <Четыре внутренние рецензии на рукопись «Впрок»> // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Сов. писатель, 1994. С. 281–285.

Zavarkina M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

A. PLATONOV'S NOVEL "VPROK" IN LITERARY AND POLITICAL CONTEXT

The article is concerned with the literary and political context of A. Platonov's story "Vprok". The art structure of the novel "Vprok" represents "polylog" of the writer with I. Stalin's articles, views of M. Gorky on "raskrestyanivanie" of the village, feature articles of the early 1930th, and A. Chayanov's theory on "cooperative collectivization". A. Platonov elaborates Stalin's idea of "excesses" during collectivization to the point of absurdity and, using popular for the Soviet literature form of chronicles, presents another view on Stalin's collectivization. Without accepting M. Gorky's "antipeasant" position, Platonov shares A. Chayanov's views on collectivization as a gradual process of the Soviet village integration into the process of transformations occurring in the 1930th.

Key words: A. Platonov, I. Stalin, M. Gorky, A. Chayanov, collectivization, story, feature articles, chronicle

REFERENCES

1. Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty CK RKP(b)-VKP(b), VChK-OGPU-NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953 [Power and art intelligentsia. Documents of CK RKP(b)-VKP(b), VChK-OGPU-NKVD about cultural policy. 1917–1953]. Moscow, 1999. 869 p.
2. Geller M. *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in search of happiness]. Moscow, MIK Publ., 2000. 432 p.
3. Gnedin E. On the way to a collective farm [Na putyakh k kolkhozu]. *Krasnaya nov'*. 1930. № 5. P. 171–182.
4. Gor'kiy M. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: in 30 v.] Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. Vol. 25. P. 268–271.
5. Dal' V. *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Russian dictionary: in 4 v.]. Vol. I. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 699 p.
6. Perkhin V. V. *Russkaya literaturnaya kritika 1930-kh* [Russian literary criticism of the 1930th]. St. Petersburg, Publ. house of the Petersburg university, 1997. 306 p.
7. Platonov A. P. *Sochineniya* [Works]. Vol. I. Part 2. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004. P. 159–161.
8. Platonov A. P. *Notbooks* [Zapisnye knizhki]. M.: IMLI RAN, 2006. 424 p.
9. Platonov A. P. *Fabrika literatury* [Literature factory]. Moscow, Vremya Publ., 2011. P. 583–586.
10. Platonov A. P. *Efirnyy trakt: Povesti* [Ethereous tract: Stories]. Moscow, Vremya Publ., 2011. P. 284–350.
11. Spiridonova I. A. Family subject in Platonov's short stories of 1930th [Tema sem'i v rasskazakh Platonova 1930-kh gg.]. *"Strana filosofov" A. Platonova*. Vol. 5. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. P. 277–290.
12. Stalin I. *Sobranie sochineniy: V 18 t.* [Collected works: in 18 v.] M.: State publishing house of political literature, 1946–2006. Vol. 12. P. 118–135.
13. Fadeev A. Chronicles of one kulak [Ob odnoy kulatskoy khronike]. *Krasnaya nov'*. 1931. № 5–6. P. 206–209.
14. Khlevnyuk O. V. *Politbyuro: Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gg.* [Political bureau: mechanisms of political power in 1930-th]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 295 p.
15. *Andrey Platonov. Vospominaniya sovremennikov* [Andrey Platonov. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1994. P. 281–285.

Поступила в редакцию 18.02.2013